

LE MESSAGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

157

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 157

III — 1989

Н. Г. ЧУЛКОВА

«ТЫ — ПАМЯТЬ СМОЛКНУВШЕГО СЛОВА...»

Из воспоминаний о Георгии Чулкове*

В культурной жизни России начала XX века имя Г. Чулкова было довольно значительным. Он был человеком большого общественного темперамента (по словам М. В. Добужинского, — «самый неистовый энтузиаст, каких я знал»), на протяжении многих лет был редактором, секретарем или ведущим сотрудником символистских изданий «Новый путь», «Вопросы жизни», «Перевал» — 1906 г., альманаха «Факелы» — 1906–1908 гг., «Золотое руно» — 1907–1909 гг., «Аполлон» — 1910 г., «Народоправство» — 1917 г. Перу Г. Чулкова принадлежит огромное количество статей о модернистской литературе (о Блоке, Вяч. Иванове, Ф. Сологубе, Л. Андрееве, И. Анненском, Н. Минском и др.), о писателях века XIX (Ф. И. Тютчеве, Ф. М. Достоевском, И. С. Тургеневе, Г. Ибсене, В. Соловьеве), а также ряд статей «на злобу дня» — о самоубийцах, терроризме, о войне и революции.

Г. И. Чулков был активным участником, а иногда и организатором диспутов на различные культурные и политические темы, выступал с докладами и лекциями. Г. И. Чулков, по словам А. Белого, был «интересным и безукоризненно честным писателем» («Начало века», М.–Л., 1933, с. 388). В семитомном собрании сочинений Г. Чулкова, выпускавшемся издательством «Шиповник» в 1909–1913 гг., большую часть занимают художественные произведения — романы, рассказы, повести, драмы, стихи.

---

* Публикация и предисловие Л. Ильюниной.

Но главным достоинством Г. И. Чулкова, «литератора *par excellence*», было, как он сам признался в воспоминаниях об Ал. Блоке, «с полуслова понимать символический язык» (*Письма Ал. Блока*, Л., «Колос», 1925, с. 115), с энтузиазмом проникаться чужими идеями и с бойцовским жаром их проповедовать.

В 1930 году издательство «Федерация» опубликовало книгу Г. И. Чулкова «Годы странствий», в этой книге автор вспоминает о самых значительных встречах своей жизни, о важнейших символистских начинаниях 1903–1916 гг., — однако некоторые главы носят конспективный, подробно не разработанный характер, и, вероятно сам сознававший это, Г. И. перед смертью (скончался он в 1939 г.) оставил своей жене завешание — «рассказать все, что было видно и слышано в нашей с ним жизни».

Большие (309 страниц машинописного текста), подробные воспоминания Н. Г. Чулковой действительно написаны как дополнение к «Годам странствий» — Н. Г. Чулкова сохранила композицию меморий своего мужа — первые главы посвящены истории их знакомства, аресту Г. И. Чулкова за революционные выступления в 1902 г.; жизни в Сибири, в Нижнем Новгороде; в следующих главах Н. Г. рассказывает о «встречах с замечательными людьми». Н. Г. Чулкова оставляет без внимания тех людей, о которых подробно пишет Г. И. Чулков — Вал. Брюсова, Мережковских, вносит подробности в воспоминания об Ал. Блоке (эта глава, единственная из воспоминаний, была опубликована в сб.: «А. Блок и современность», М., 1981, с. 237), о Л. Андрееве, Ф. Сологубе, А. Белом, С. Городецком, и, наконец, особенно подробно Н. Г. Чулкова пишет о тех встречах, которые не описаны в «Годах странствий» — главы об Анне Ахматовой, о Вяч. Иванове, о Е. П. Иванове, об А. Н. Голубкиной, А. А. Пушкиной, А. Герцук; отдельные главы в воспоминаниях посвящены «кочевью» Чулковых — в Риме, Флоренции, в Париже, в Швейцарии, в Царском Селе, в Мураново, в Оптиной пустыни.

В данной публикации мы предлагаем вниманию читателей две главы о Вяч. Иванове (как наиболее полные и важные по материалу, в них освещенному).

Воспоминания Н. Г. Чулковой, человека, с которым «многие делились своим горем и скорбями» (А. Ахматова), «с таким умом, чуткостью, самообладанием, с такой любовью ко всему прекрасному» (В. Щеголева), отличает несуетная простота тона, внимание к необходимым для понимания внутреннего мира человека бытовым подробностям жизни, непредвзятость оценок, ненавязывание прошлому (эпохе начала XX века) критериев настоящего, того времени, когда писались мемуары — 40-е — начало 50-х годов.

Сейчас, когда из забвения возвращаются многие имена художников «серебряного века» русской культуры, когда издаются и переиздаются забытые произведения, важно иметь представление и о человеческом облике людей, их создавших. Воспоминания Н. Г. Чулковой служат этой цели восстановления прошедшего.

Печатаются «Воспоминания» по авторизованной машинописи, хранящейся в музее-квартире А. Блока, экземпляр текста находится также в ИРЛИ и ГБЛ (ф. 371, карт. 6, ед. хр. 1; Р1, оп. 35, л 194).

Надежде Григорьевне Чулковой

Каким отзвуком былого
И как целительно жива,
Ты память смолкнувшего слова,
Нашедшая свои слова!
Так мне помыслилось невольно,
Когда я получил от вас
Живых страниц простой рассказ,
Где строго, может быть, подчас,
Но так спокойно, так безбольно
Прикосновенье к старине,
Столь памятной и вам и мне,
Где дышит — что невозвратно (...)
Сокрывшееся — словно зримо,
Былым привольно дышит грудь:
Оно дарит бывалой силой —
Напутствием в дальнейший путь —
Каким бы шел тот путник милый,

Чью память сердце бережет,
Чей сказан был завет — и вот
Идут страница за страницей
Неторопливой чередой —
Как вехи — верной вереницей,
Былому воздают сторицей
И веют жизнью молодой.

Юрий Верховский

12.XI.1950

Москва

Вячеслав Иванов

В 1905 году у нас в редакции «Вопросов жизни» появился поэт Вячеслав Иванович Иванов и его жена, Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал. Они тогда только что приехали из-за границы. Он вошел в строгом визитном костюме, в черных лайковых перчатках. Она — в прелестном легком платье из черной тафты. Пышные, льняного цвета волосы и красивая шляпка. Оба элегантно и изящно просты в общении с людьми.

Еще раньше, в 1903 году, живя в Нижнем Новгороде, под гласным надзором, Георгий Иванович с восхищением читал книгу стихов В. Иванова «Кормчие Звезды». Теперь пред нами предстал он сам, этот мудрый и мудреный поэт. Наш интерес к нему все возрастал.

Вячеслав Иванов поселился в Петербурге на Таврической улице, д. 35, напротив Таврического сада, в большом многоэтажном доме с башней наверху. В этой башне только одна квартира, которую и занял В. Иванов. В ней несколько комнат — пять или шесть — и маленькая кухня. Все комнаты были неправильной формы — то очень длинные и узкие, то полукруглые — в зависимости от архитектуры этой верхней надстройки дома. Окна тоже были разной величины и формы. В большой столовой, узкой и длинной, было только одно узкое окно. Днем в этой комнате было темно. Обставлена квартира была остатками хорошей старинной мебели,

доставшейся Лидии Дмитриевне от ее предков. Вечером горели свечи в канделябрах. Было много ковров и тяжелых занавесей. Так за этой квартирой и укрепилось название «Башня», вошедшее в историю. «Вечера» или «Среды» на «башне» стали обычным названием собраний у Вяч. Иванова. Собрания эти были замечательны как по составу посетителей, так и по необычайной приветливости и обаятельности хозяина и хозяйки дома. И Вяч. Иванов, и жена его Зиновьева-Аннибал были блестяще образованы и обладали особым даром располагать к себе людей.

В их салоне можно было встретить и знаменитого актера или актрису, и ученых, и художников, и философов — петербуржцев и москвичей — преобладали писатели и поэты, нередко бывали и политические деятели. Хозяева говорили на многих иностранных языках. Среди гостей бывали и иностранцы, которые здесь чувствовали себя, вероятно, так же хорошо, как в гостинице у кого-нибудь из своих соотечественников.

Дома у себя и Вячеслав Иванович, и Лидия Дмитриевна позволяли вольности в туалете. Он носил обыкновенно бархатную или суконную блузу с белым воротником (как у Блока), а Лидия Дмитриевна облекалась в хитон греческого типа, оставляя обнаженными шею и руки. Задрапированная ткань какого-либо светлого тона застегивалась на плече аграфом. Ноги были обуты в сандалии. Валерий Брюсов как-то в письме к Георгию Ивановичу сказал про Лидию Дмитриевну: «Сибилла в разодранных ризах».

Вячеслав Иванович в эти годы носил небольшую рыжеватую бородку. (Таким изобразил его на портрете К. А. Сомов). Говорил много и красно, поражал обилием знаний во многих областях культуры — искусства и науки. И он, и жена его много путешествовали в разные страны: Францию, Англию, Италию, Египет. Подолгу жила там, совершенствуясь в языках. Вяч. Иванович был филолог. Он мог писать стихи на разных языках — даже по латыни.

На длинном столе в столовой стояли обычно два хрустальных кувшина с красным и белым вином, окорок жареной телятины, сыр и мятные пряники и пастила к чаю. Лидия Дмитриевна сама готовила пищу и ставила

самовар. Вообще прислуги у них не было. Лидия Дмитриевна была настоящей русской барыней в хорошем смысле — умела вести беседу с самыми утонченными эстетами и мудрецами, любила и умела поговорить и с простой деревенской бабой. Любила землю и народ. Под влиянием Вяч. Иванова она стала увлекаться декадентством, отзывалась на все, что проповедовалось и провозглашалось в литературе и поэзии. Она стала писать в духе Вяч. Ивановича, будучи по природе своей гораздо проще. Ее книги «Тридцать три уroda» и «Кольца» кажутся какими-то вымученными.¹ Зато книга рассказов «Трагический зверинец» — проста и глубока, как она сама. Эта книга — автобиографическая. Девочка из «Трагического зверинца» — это сама Лидия Дмитриевна в детстве, да, пожалуй, и взрослая — только в других условиях жизни. Эту книгу она посвятила К. А. Сомову, который тогда писал портрет Вячеслава Ивановича. Рассказ «Медвежата» посвящен М. В. Сабашниковой, художнице, жене поэта Макса Волошина; «Волки» — М. А. Волошину; «Чудовище» — К. А. Сюннербергу, критику и философу; «Мошка» — М. Л. Гофману, поэту; «Царевна кентавр» — Георгию Чулкову; «Черт» — тоже К. А. Сомову; «Воля» — поэту С. М. Городецкому. Книга эта издана в издательстве Вяч. Иванова «Оры» в 1904 году.

Лидия Дмитриевна происходила из старого дворянского рода и имела какое-то родственное отношение к Пушкину — (Аннибал), Вяч. Иванович был из разночинцев.² В молодости Лидия Дмитриевна покинула мужа по фамилии Шварсалон и, взяв своих трех детей — Сережу, Костю и Веру, — в сопровождении двух преданных ей девушек-служанок, уехала в Париж учиться пению у Виардо. Пение ей, кажется, не удалось. По крайней мере, когда я слышала ее напевающей, мне казалось, что пение — не ее призвание. В Риме она встретила молодого ученого В. И. Иванова и они полюбили друг друга. У В. Иванова в России (кажется, в Харькове) тоже была жена и дочь. Зиновьева была богата, ученый — беден. Она стала помогать ему в его образовании. Они много путешествовали для его

филологических изысканий. В то же время у них родилась дочь — Лидия, и вот он, уже многосторонне образованный, является в Петербург как известный поэт и филолог.

В 1905 году, когда я узнала Ивановых, время было богато всякими исканиями, и декадентство захватило многих. Вспоминались нравы времени упадка Рима. Находились и подражатели римлянам — в моде была Александрийская школа.³ Появился поэт М. А. Кузмин с его «Александрийскими песнями» и мушками на лице. Он пел свои стихи, акомпанируя себе на фортепиано. Сочинял музыкальные комедии в стихах и сам их пел. У Кузмина были последователи и подражатели. Он был дружен с художником Сомовым, а Вяч. Иванович с ними обоими.

На вечере у Вяч. Ивановича я видела однажды Максима Горького; с ним была тогда его жена, актриса Художественного Театра, Марья Федоровна Андреева — блиставшая тогда красотой. В этот вечер на «башне» обсуждался вопрос о новом театре, в котором должны были объединиться писатели всех направлений, и символисты в том числе.* Помню, Горький сказал: «Мы должны быть вместе — это как драгоценные камни, отражая друг друга, переливаются разными цветами, так и мы, работая вместе, будем помогать проявлению наших талантов». При этом он сделал жест рукою, точно держал в горсти эти драгоценные камни. М. Ф. Андреева тоже принимала участие в этой беседе о театре как актриса. На вечерах у Иванова обычно давалась какая-нибудь тема для беседы, и тут хозяин блистал талантом и начитанностью.

Один из этих вечеров, при многочисленном собрании посетителей, закончился неожиданным событием. В самый разгар беседы и тут, как и в редакции «Вопросов жизни», появились полицейские чиновники во главе с начальником полиции, очень прославившимся тогда в Петербурге (забыла его фамилию) и объявили, что присутствующие задержаны и подвергнутся обыску. Поочередно одного за другим приглашали гостей в отдельную комнату для обыска.

---

* На одном из вечеров, посвященных эросу, присутствовал и участвовал в беседе А. В. Луначарский. — прим. Н. Ч.

Пришлось перестроить программу вечера и покорно ждать конца этого томительно скучного дела. На столе было вино и чай. Некоторые занялись разговором за чаепитием. Сестра Зинаиды Гиппиус, художница Татьяна Николаевна, стала рисовать портрет солдата, неподвижно стоявшего у входа в комнату, где производился обыск гостей, — другие разговаривали, нервно поглядывая на дверь этой комнаты, куда неизбежно предстояло войти каждому из гостей. Никто не беспокоился, конечно, о своей безопасности: заговорщиков тут не было, — но «испытание» это утомляло и раздражало. Уже давно рассвело и начался день, а еще не все были обысканы. Но предстояла еще новая неприятность — одному из гостей Ивановых. Когда, освободившись наконец, все стали собираться домой, оказалось, что у Дмитрия Сергеевича Мережковского кто-то украл бобровую шапку — дело было зимой. Перерыли всю одежду в прихожей, шапки не нашли. Об этом было кем-то куда-то заявлено, но шапка так и пропала.

Вяч. Иванов называл свои собрания «Symposion», по примеру и в подражание «Пиру» Платона. Устраивались еще и другие собрания, более интимные и более близких друзей — на них не приглашались женщины. В противовес этим собраниям Лидия Дмитриевна собирала по вторникам своих друзей-женщин и назвала эти собрания «Θίσιος»⁴ На этих вечерах, помню я, была Маргарита Васильевна Сабашникова, художница и поэтесса, которая потом написала прекрасный портрет Лидии Дмитриевны, уже посмертный, жена А. Блока, Любовь Дмитриевна Блок, рожденная Менделеева, — дочь знаменитого химика. Всем давались имена исторических или мифологических героинь древности. Сабашникова названа была Примавера, Лидия Дмитриевна носила имя Диотимы, Любовь Дм. Блок — Беатриче. У меня тоже было какое-то имя, но я сейчас не могу его вспомнить. Эти собрания женщин происходили недолго — кажется, три или четыре раза, — потом Лидия Дм. заболела; весной следующего года они уехали к друзьям на лето в имение в Могилевской губернии, и там она заразилась скарлатиной и умерла в октябре 1907 года. У меня сохранились два ее письма с упоминанием об этих вечерах.

«7 ноября 1906 г. Дорогая Надежда Григорьевна. Троиц из членов «Θείας'а» оказался неудобным вторник. Потому отложили собрание до вторника 15 ноября. Мне очень хочется Вас видеть. Приходите в среду, если успеете как-нибудь днем ко мне. Целую нежно. Лидия Зиновьева-Аннибал».

Вот еще одно письмо: "Понед. Дорогая Надежда Григорьевна! Если бы имела малейшую возможность, была бы у Вас уже не раз, но больна поистине телом и душой. Очень полюбила Вас. Снялась какая-то завеса между мною и вами, и хотя не сказались слова, но зато для себя я это почувствовала, ошибаюсь ли я за вас? «Θείας» еще раз откладывается на неделю из-за отъезда в Финляндию «Примаверы». Я так с Вами сердцем в эти несносные для вас времена. И с верою жду лучших. Ваша Лидия».

Привожу еще одно письмо, написанное незадолго до ее предсмертной болезни.

«Загорье. 12 июля 1907 года.

Моя дорогая, любимая, скучаю по Вас сердечно. Недостаете мне Вы. Истинно! О, если бы Вы могли приехать! Мы прожили бы тогда хорошее время вместе. Дорогая, дала ли я Вам экземпляр «Зверинца»? Хочется для ласковых слов. Здесь вроде рая и в душе и в природе. Как-то у вас? По письмам вашего Зори кажется — у вас светло и он отдыхает душой. Я его очень люблю. Очень он нам недостает. Что если бы вдвоем? Да, здесь рай. Работалось дивно, да и теперь на время вдруг оба застряли с работой. Ничего, вывезем, Бог даст! С часу на час жду Веру и томлюсь беспокойством, ибо мыслью не знаю, где ее найти: она где-то в долгом пути. Живу, как всегда, данной минутой и до конца ее пью, на минутку вперед не заглядывая. Напишите. Очень прошу, каждое словечко дорого. Привет дорогой Любовь Ивановне, моей симпатии. И еще обоих благодарю за детей.* Они здесь очень счастливы. Глушь, леса, вода, дали, тишина. Хожу босой в сандалиях.

Ваша всей душой Лидия.

Мне очень нравится статья Г. И.»**

---

* Дети Лидии Дмитриевны, Костя и Лида, гостили у нас на даче в Финляндии в этом году.

** Не помню, какая это была статья. — Н. Г.

В это время Г. И. Чулков выступил в печати с задорной и неосторожной, по молодости, статьей «О мистическом анархизме», которая вызвала большую полемику в журналах «Весы» и других. Вот на эти «несносные» времена и намекает в своем письме Зиновьева-Аннибал.⁵

Все это и всякие увлечения в литературе и личной жизни Вяч. Иванова, конечно, принесли немало волнений и огорчений жене его — всегда ему верной и поневоле всегда участвующей в его переживаниях. Как-то, заболев воспалением легких, она позвала меня к себе и жаловалась мне на Вяч. Ивановича за его нечуткость и холодность. Это было за год до ее смерти. Ее отправили в больницу, а Вяч. Иванович в то время поехал куда-то по литературным делам, чем еще более огорчил ее. В это время он увлекался Маргаритой Сабашниковой — художницей-антропософкой. Она приехала из-за границы, и с Максом Волошиным, как его жена. Почему-то остановились Волошины у Вяч. Иванова, вот тут-то и началась между Сабашниковой и Вяч. Ивановым какая-то странная игра, доставлявшая Лидии Дмитриевне огорчения.⁶ Это было в 1906 году. Летом 1907 года Ивановы уехали в Витебскую губернию в имение своих друзей «Загорье», куда звали и нас к ним погостить. В октябре этого года я получила от Вяч. Иванова телеграмму: «Лидия больна. Не можете ли приехать». Еще и раньше я ухаживала за нею в болезни, и она верила, что я способна ей помочь. Известив телеграммой Вячеслава Ивановича о приезде к нему, в тот же день поехала в Загорье.

На станции меня ждал экипаж, и возница вручил мне записку от Вяч. Иванова:

«Дорогая Надежда Григорьевна. Просто не верится в возможность такой дружбы, доброты и великодушия, как ваша. Благослови Вас Бог! Я почти уверен, что вы запаслись теплым платьем. У нас здесь почти ничего нет. Посылаю Вам на дорогу плед и одеяло. Как раз сегодня стало холодно. Ждем с нетерпением. Положение больной серьезно. Ваш Вяч. Иванов».

В это время в ближайшем к Загорью селе была эпидемия скарлатины, и Л. Д., ходившая ежедневно в это село за продуктами, заразилась и слегла. Скарлатина осложнилась

дифтеритом, медицинской помощи вовремя не было оказано, и когда приехал вызванный из города доктор, положение было очень тяжелое. Уход плохой. Когда я подошла к постели больной, она перекрестилась. Я пробыла у них только два дня, а на третий она скончалась. 17 окт. 1907 г. При ней был Вяч. Иванович и незадолго перед этим приехавшая из-за границы старшая ее дочь Вера Шварсалон, ставшая после ее смерти женой Вяч. Иванова, своего отчима. Накануне смерти Л. Д. пожелала позвать священника.* Перед смертью Л. Д. пыталась мне что-то завещать, сделать какое-то распоряжение, но не успела: сделалась гангрена горла, и она с большим трудом могла говорить. Когда она отходила, Вяч. Иванович плакал, целовал ее в губы, весь содрогался от рыданий, говорил ей в уши нежные слова, в то же время указывал мне на ее синеющие пальцы. Она хрипела, и из горла ее вылетали пленки разрушенной ткани.

Хоронили ее в Петербурге на кладбище Александро-Невской Лавры, и на похоронах были многие из литературного мира, да еще родственники Лидии Дмитриевны и знакомые ее — петербургская аристократия. Брат Лидии Дмитриевны Зиновьев был тогда петербургским губернатором.⁷

После смерти Лидии Дмитриевны в доме Вячеслава Ивановича жила его падчерица, Вера Константиновна Шварсалон, и ее два брата, Сережа и Костя, а также и младшая дочь Лидии Дмитриевны от Вяч. Иванова, Лида, девочка лет десяти. Все эти дети жили до этого времени в разных местах — за границей и в России — у друзей Лидии Дмитриевны. Теперь все собрались в одном доме. Хозяйством управляла давнишний друг их, Марья Михайловна Замятина, до самоотвержения преданная семье В. Иванова. Она же отчасти исполняла обязанности секретаря В. Иванова и вела все его дела: исполняла поручения, ездила в издательства, получала деньги и вообще избавляла его от житейских забот, предоставляя ему возможность посвящать свое время творчеству и общению с друзьями и многочисленными посетителями.

---

* Она исповедалась и причастилась. В бреду потом говорила: "Пойдем на богомолье. Нынче большой праздник". А последние слова ее были: "Христос воскрес".

В первые годы после смерти Лидии Дмитриевны Вячеслав Иванович писал много стихов, посвященных памяти Зиновьевой-Аннибал, в которых воспевал ее как подругу и «жрицу или Вакханку, сгоревшую в пламени его любви». Все эти посвящения собраны им в одной книге с названием «*Cog ardens*» — «Пламенеющее сердце». Книга эта была издана в 1911 году в Москве в изд. «Скорпион». Она украшена фронтисписом работы К. А. Сомова — близкого друга Вяч. Иванова и его жены, Лидии Дм. На первой странице посвящение гласит:

«Бессмертному свету

Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал.

Той, что, сгорев на земле моим пламенеющим сердцем,
стала из пламени свет в храмине гостя земли».

На следующей странице:

«Той,
чью судьбу и чей лик
я узнал
в этом образе Мэнады
с сильно бьющимся сердцем

— как пел Гомер —
когда ее огненное сердце
остановилось».

И дальше следует стихотворение:

М Э Н А Д А

Скорбь нашла и смута на Мэнаду,
Сердце в ней тоской захолонуло.
Недвижимо у пещеры жадной
Стала безглагольная Мэнада.
Мрачным оком смотрит — и не видит,
Душный рот разверзла — и не дышит.
И текучие взмолились Нимфы
Из глубин пещерных за Мэнаду:
Влаги, влаги, влажный бог!⁸

Я привожу только половину этого стихотворения, только для того, чтобы показать манеру и стиль его творчества. Дальше в книге этой идут другие стихи, все также обращенные к ней или говорящие о ней. Кому неизвестна поэзия Вяч. Иванова, пусть не думает, что это нарочитый язык, вызванный скорбью об ушедшей подруге, — нет, это его постоянный стиль, его обычная манера говорить и писать, это почти его разговорный язык. Центром этой посвященной памяти умершей Лид. Дм. книги является его знаменитый «Венок сонетов», т. е. венок из пятнадцати сонетов.⁹

После смерти Лид./ии/ Дм./итриевны/ у Вячеслава Иванова не было уже таких многолюдных собраний «на башне», как прежде, по средам. Теперь его гостями были наиболее близкие ему — поэты и художники. Собирались чаще, вечера были интимнее. У Вячеслава Ивановича поселился полюбившийся ему поэт Михаил Алексеевич Кузмин.

Портрет Кузмина, написанный его другом Сомовым, совершенно передает черты его лица — огромные глаза (кажется, он их подводил) и печальное выражение.

Кузмин писал стихи и сам же перекладывал их на музыку и пел их, аккомпанируя себе на фортепиано. Голос слабый и пение «композиторское», т. е. по-домашнему, без особой тренировки голоса, но выразительнее специалистов-певцов. Он пел свои стихи и оперетты. Мне особенно запомнились его «Александрийские песни» и «Куранты» — прослушав их раз, хотелось их напевать, подражая ему.

Вот одно из них:

Если б я был древним полководцем,
Покорил бы я Эфиопию и Персов,
Свергнул бы я фараона,
Построил бы себе пирамиду
выше Хеопса
и стал бы
славнее всех живущих в Египте!

.....

Если бы я был твоим рабом последним,
сидел бы я в подземельи,
и видел бы раз в год или два года
золотой узор твоих сандалий,
когда ты случайно мимо темницы проходишь,
и стал бы счастливей всех живущих в Египте!

А вот вступление к книге его «Александрийские песни»:

Как песня матери
Над колыбелью ребенка,
как горное эхо,
утром на пастуший рожок отозвавшееся,
как далекий прибор
родного, давно не виденного моря,
звучит мне имя твое
трижды блаженное,
«Александрия!»

Ему Вяч. Ив. написал стихотворение

Анахронизм¹⁰

М. Кузмину

В румяна ль, мушки и дэндиизм,
В поддевку ль нашего покроя,
Певец и сверстник Антиноя,
Ты рядишь свой анахронизм, —
Старообрядческих кафизм
Чтецом, стоя пред аналоем,
Иль Дафнисам кадя и Хлоям,
Ты все — живой анахронизм.

В тебе люблю сквозь грани призм
Александрийца и француза
Времен классических, чья муза —
Двухвековой анахронизм.

За твой единый галлицизм
Я дам своих славизмов десять:
И моде всей не перевесить
Твой родовой анахронизм.

В числе близких друзей Вячеслава Иванова в то время были еще два тонких эстета, два ценителя и знатока искусства — Нурок Альфред Павлович и Нувель Вальтер Федорович, оба они принадлежали к группе «Мир искусства», как деятельные участники журнала того же имени, и отличались живостью характера и высоким художественным чутьем и образованием. Все, вместе с Кузминым и Сомовым, составляли тесный кружок друзей «башни». Вячеслав Иванович дарил своих друзей посвящением в стихах. Нувелю, носившему в этом кружке имя Петрония, им написаны вот эти стихи:

Petronius Redivivus

В. Ф. Нувелю

Ты был ли некогда, Петроний
Вблизи Нерона своего,
Заступник вкуса, друг ироний,
Мой милый мудрый *Renouveau*?
    Не правда ль? — В ванне благовонной
    Открыл ты двери жарких вен,
    И вышних мезью благосклонной
    Ниспослан вновь в подлунный плен.
Явить живым свои улыбки,
Свой суд изящный и порок,
И вид изнеженности зыбкий,
И поздней мудрости урок:
    Что тем весенней мир, чем старе;
    Что вечны жатвы юных благ;
    Что сладострастный теидарий —
    Не похоронный саркофаг.

Одним из частых посетителей Башни в это время был Юрий Никандрович Верховский.

Следующее стихотворение Вячеслава Иванова говорит об отношениях этих друзей:

Sonetto di risposta

*Сроднился дух мой с дружественной Башней,
Где отдыхают шепчущие Оры,
С ночным огнем иль с факелом Авроры
В отрадный плен влекусь мечтой всегдашней.*
Ю. Верховский

Осенены сторожевою Башней,
Свой хоровод окружный водят Оры;
Вотще ль твой друг до пламенной Авроры
Беседует с наперсницей всегдашней?
Все радостней, Верховский, все бесстрашней
Меня творят звучащих спутниц хоры.
Их строй заклял Гекаты бледной своры.
Мой вождь — Эрот — не помнит шальных шашней.
Купается в струящихся напевах
Мой юный дух, преодолевший мрачность.
Пусть этот век не слышит иноверца,
Пусть гимн любви потонет в буйных гневах:
Улыбкою обетною Прозрачность
Ответствует обетам детским сердца.

В. И.

Coda

Бетховенского скерцо
Сейчас Кузмин уронит ливень вешний...
А за окном уж ночи все кромешней.
Будь осени поспешней.
Не заперта на Башне дружбы дверца,
Живой Сонет, а с нами —

Вячеслав Иванов

В 1909 году на башне был поставлен спектакль — драма Кальдерона «Поклонение Кресту». Ставили пьесу режиссер Всеволод Эмильевич Мейерхольд и художник Судейкин. В качестве актеров были: поэт Вл. Ал. Пяст; Вера, падчерица В/ячеслава/ И/вановича/; его дочь Лида; Сережа и Костя Шварсалон — пасынки Вяч. Ив.; Вл. Ник. Княжнин-Ивойлов и др. Об этом спектакле много говорили и он остался в памяти

участников, как необычное событие. Мы были в это время за границей, и я знаю о нем только по рассказам очевидцев да по снимкам, сделанным во время представления. Об этом спектакле подробно написано в книге воспоминаний Вл. Алексеевича Пяста — «Встречи».¹¹

В 1906–1907 годах, еще при жизни Зиновьевой-Аннибал, у Вяч. Иванова на «Башне» издавались книги его и некоторых писателей. Издательство носило название «Оры». Изданы были, насколько помню, Вяч. Иванов — «Эрос», книга стихов; Зиновьева-Аннибал — «Тридцать три уroda», Георгий Чулков — «Тайга», Александр Блок — «Снежная маска», стихи — Сергей Городецкий — «Перун». Стихи: Зиновьева-Аннибал — «Трагический зверинец»; Максимилиан Волошин — Стихи; Вяч. Иванов — «По звездам». Статьи и афоризмы; Алексей Ремизов — «Луг духовный»; Ю. Верховский «Идиллии и элегии» (стихотворения).

В это же время действовало издательство «Факелы», которое выпустило три альманаха-сборника: два беллетристических и один — философский. В этом же издательстве вышла так много нашумевшая книжка Георгия Чулкова «О мистическом анархизме». Со вступительной статьей Вячеслава Иванова. В беллетристическом отделе «Факелов» участвовали также Вячеслав Иванов, Блок, Федор Сологуб, Михаил Кузмин, Сергей Городецкий и другие, и не только символисты, но с ними Иван Бунин, Леонид Андреев и др.

Книгу Георгия Чулкова «О мистическом анархизме» встретили дружным осуждением журналы всех направлений. Ругали и беллетристические и философские сборники «Факелов». Так что редактору этих книг пришлось защищать свои идеи, не имея для своих заявлений ни одного печатного органа. Но мало этого: испугавшиеся сотрудники тоже начали отмежевываться от философских высказываний Г. Чулкова, и некоторые из них, в том числе Вяч. Иванов и А. Блок, заявили об этом печатно. Полемика перекинулась и за границу. В парижском журнале «Mercure de France» появилась статья об этой книге, и в этой статье толковалось вкось и вкривь о какой-то новой литературной

школе, провозглашенной будто бы Георгием Чулковым. Это еще больше запутало дело.¹²

Я привожу письмо в редакцию петербургской газеты «Товариш» Дмитрия Владимировича Философова, беспристрастно объясняющее дело:

«...Г-н Семенов, постоянный сотрудник французского журнала «Mercure de France», свой последний отчет о русской литературе посвятил мистическому анархизму ...причем Вяч. Иванова и Блока зачислил в мистические анархисты. Пчелы декадентского улья загудели. Блок заявил, что он «не имеет ничего общего с мистическим анархизмом, о чем свидетельствуют его стихи и проза». Я присутствовал, можно сказать, при самом зарождении этого течения, отлично знаю, что именно Вяч. Иванов и Блок были совершенно солидарны с Георгием Чулковым. В свое время предполагалось даже устроить при содействии тогдашнего режиссера театра г-жи Комиссаржевской, В. Э. Мейерхольда, маленькую мистико-анархическую сцену, для которой и был написан знаменитый «Балаганчик» Блока. Вяч. Иванов написал предисловие к брошюре Георгия Чулкова. Пока «мистический анархизм» оставался экзотическим цветком, выросшим в парниках декадентской кружковщины, — ни Вяч. Иванов, ни Блок от него не отказывались, а самодовольно радовались своей выдумке. Но когда критика начала свой поход против этой новинки, Вяч. Иванов и Блок сейчас же от своего возлюбленного детища отказались, предоставив Георгия Ивановича на съедение обозлившихся товарищей. А. Блок удостоверяет, ссылаясь на свои стихи и прозу, что он не мистический анархист.¹³ Но мне эту прозу и стихи изучать пришлось, по совести утверждаю, что г. Блок именно мистический анархист».¹⁴

Вот какую бурю подняла эта книга. Прошло много лет. Умер Георгий Иванович, и в его бумагах я нахожу письмо запечатанное и адресованное мне. В нем, между прочим, он отрекается от статьи «Об утверждении личности», напечатанной в книге «О мистическом анархизме», и кается в легкомыслии своем и торопливости.

«Родная моя Надя. Случайно раскрыл вторую книжку «Факелов», изданную в 1907 году, и перечитал свою статью

«Об утверждении личности». Эта статья — дурная статья, и я дорого дал бы, если бы можно было ее уничтожить. Смерть не за горами. Я пишу это письмо, чтобы оно было свидетельством после моей смерти от всех этих неосторожных, торопливых высказываний... Мой взгляд тогдашний на историческое христианство ложен. Ложно также мое тогдашнее понимание догмата. Я и теперь не отрекаюсь от иных моих чаяний, надежд и предчувствий, но я решительно заблуждался в оценке богочеловеческого процесса. Главное мое заблуждение, противоречившее, кстати сказать, моему внутреннему опыту, это уклончивое отношение к исповеданию той Истины, что две тысячи лет назад была воплощена до конца и явлена была человечеству в своей единственности и абсолютности. Пусть это письмо будет ключом к моему нынешнему пониманию мира. Возможно, что когда-нибудь найдется человек, который, «пыль веков от хартий отряхнув», заинтересуется книгами, мною написанными. Пусть это письмо освободит меня до известной степени от ответственности за мои юношеские грехи. Я довольно их делал и в зрелом возрасте. Но такая статья, как «Об утверждении личности», — воистину «вопиет». Решительно ее зачеркиваю. Я исповедую, что галилеянин раввин Иисус, две тысячи лет назад распятый по приказу римского чиновника Пилата согласно воле еврейских националистов, ожидавших Спасителя, как Израильского царя, был истинным Спасителем всего мира, и воистину воскрес «по писаниям пророков». Я верю, что прекраснее, мудрее и свободнее не было на земле существа — не было и никогда не будет. Я верю, что Он единственный.

Кому же мне было написать об этом, как не тебе, моя родная? Ты, правда, знаешь, как я теперь думаю и во что верю, но это письмо, тебе адресованное, пусть будет также свидетельством для всех. Я хотел бы, чтобы все мои литературные опыты (о, какие несовершенные!) получили оценку в свете этого моего исповедания. Только тогда можно понять мой духовный путь.

Мне было трудно. У меня не было в юности руководителя. Я жил Писанием, но без Предания. Моя личная жизнь, ты знаешь, была слепая. И до сего времени я влачу бремя моей

слепоты и греха. Но — видит Бог — я был «алчущим и жаждущим правды», хотя и заблуждался и падал — и так низко!

Любящий тебя
Георгий Чулков».

Стихотворение Георгия Ивановича «Вячеславу Иванову» говорит об этом раскаянии в самонадеянности и утверждении своей воли.

Могу ли осудить, поэт,
Тебя за мглу противоречий?
Ведь миру мы сказали: «Нет!» —
Мы, буйства темного предтечи.
Ведь вместе мы сжигали дом,
Где жили наши предки чинно,
Но грянул в небе вещий гром,
И дым простерся лентой длинной.
И мы, поэт, осуждены
Свою вину нести пред Богом,
Как недостойные сыны
По окровавленным дорогам.
Нет, нет! Не мне судить тебя,
Когда ты, поникая долу,
Гадаешь — быть или не быть —
В сей миг — последнему глаголу.¹⁵

Георгию Чулкову
(В ответ на его стихотворение)

Да, сей костер мы поджигали,
И совесть правду говорит,
Хотя предчувствия не лгали,
Что сердце наше в нем сгорит.
Гори ж, и тлей на самозданном
О, сердце — феникс — очаге!
Свой суд приемля — в нежеланном,
Тобою вызванном слуге.
Кто развязал Эолов мех,
Бурь не кори, не фарисействуй.

Поет Трагедия: «Все грех,
Что Воля деет. Все за всех!»
А воля действенная: «Действуй».

*В. Иванов*¹⁶

(. . .)

Приехав в Россию в 1913 г., Вячеслав Иванович поселился в Москве на Zubовском бульваре.¹⁷ В Швейцарии у них родился сын Димитрий. В начале войны 1914 года мы застряли в Швейцарии. Потом революция 1917 г. Весной 1917 г. я приехала в Москву из Царского Села. Мы стали жить неподалеку от В. И., на Смоленском бульваре.

У меня был сын, Володя, двух лет. Сын В/ячеслава/ И/вановича/, Дима, лет четырех, приходил к нам играть с нашим Володей. Но был голод. В/ячеслав/ И/ванович/ оставил свою большую квартиру и переехал в Нащокинский переулок в одну комнату. Все вещи и обстановку разместили по знакомым. Вера не умела хозяйничать и была чем-то серьезно больна. Было жалко на нее смотреть. Ее видели иногда на рынке продающей старую одежду. Промучавшись два года от голода и болезни, она умерла в августе 1920 года. Умерла от общего туберкулеза в больнице Московских клиник. Сама сказала, умирая: «Я не знала, что так легко умирать». Годом раньше умерла, и тоже в больнице, верная почитательница В/ячеслава/ И/вановича/ и его помощница — Марья Михайловна Замятина. В том же году, в сентябре, мы похоронили нашего сына Володю.

Вскоре после смерти Веры В/ячеслав/ И/ванович/ с дочерью от Зиновьевой—Аннибал, Лидой, и сыном Димой уехал в Баку, приглашенный в университет читать курс истории древней литературы.¹⁸

Дети В/ячеслава/ И/вановича/ оказались способными к музыке. Дочь — пианистка — позднее стала композитором. Мальчик играл на скрипке. Но во время пребывания в Баку, по несчастному случаю, потерял четыре пальца на правой руке и не мог продолжать музыкального образования. В 1924 году В/ячеслав/ И/ванович/ приехал в Москву с дочерью и сыном хлопотать о командировке в Италию. Он читал в Академии Художественных Наук свою работу: «Религия Страдающего

Бога».¹⁹ А у нас читал свою маленькую оперетту в стихах — «Любовь — мираж», изящную и остроумную.

Второй раз мы слушали чтение им этой же комедии у Михаила Осиповича Гершензона. В Москве он прожил месяца два или три, и часто бывал у нас на Смоленском бульваре. Много он беседовал с нами, да и было что рассказать друг другу о пережитом за эти годы разлуки с 1920 по 1924 год.

За месяц до его отъезда я уехала в Калужскую губернию в закрытый тогда уже монастырь Оптиной пустыни, прославленный своими подвижниками-старцами. На лето там сдавались для жилья бывшие кельи монахов. Я прожила там до конца лета. Эта обитель отличалась необыкновенно живописной природой — дремучими лесами, лугами и красивой речкой Жиздрой. В то лето там жили наши знакомые — художник Лев Александрович Бруни и его брат Николай и их семьи.

В одном из писем ко мне от 27 августа 1924 года муж мой описал последний вечер, проведенный у него Вяч. Ивановым перед отъездом в Италию: «Вчера был у меня Вяч. Иванович. Рачинский* был в ударе. Вячеслав/ И/ванович/ наслаждался им. Вчера мы долго обнимались и целовались. Я его перекрестил трижды, и он, со слезами на глазах, шутя бормотал: «старец! старец!» И я, с чистым сердцем, его обнимал. Сегодня он уезжает в Италию. Он сделал тебе надпись на книге «Кормчие Звезды». Текст надписи таков: «На память о незабвенных минутах жизни, мудрой, твердой, верной Надежде Григорьевне Чулковой с глубокой любовью и преклонением. Вячеслав Иванов».

Над смертью вечно торжествует
В ком память вечная живет.
Любовь зовет, любовь предчует;
Кто не забыл — не отдаст.

Вторая цитата из стихотворения «Pieta».

---

* Григорий Алексеевич Рачинский — профессор, философ, историк литературы, исследователь творчества Гёте, знавший лично Тургенева, Достоевского, Влад. Соловьева и др. современников.

От века Он, безжизненный, — на лоне
Тоски твоей,
О, темная, на звездном небосклоне!
О Мать Скорбей!

Это относится к Изиде — Богоматери — Богоматери.
Третья из того же цикла:

За боль любви, за плач благодаренья,
За ночь потерь,
За первый крик, и смертный акт боренья,
И смерти дверь, —
Зане Тебя, по Ком в разлуке страждем,
Разлукой зрим,
Бог жаждущих, чьей страстной чаши жаждем, —
Благодарим!

В/ячеслав/ И/ванович/ уехал в Рим 27 авг. 1924 г., а стихи его о встрече с Римом (я их привожу) помечены: «Рим, осень 1924». В 1924 он прислал нам свои новые стихи.²⁰
Девять сонетов о Риме заканчиваются шестистишьем:

Postscriptum

Уж расставались мы, когда, подвижник строгий,
Близ хижины твоей пробился светлый ключ.
Все также ль чистый бьет? все также ли гремуч?
Как верно ты бредешь крутой своей дорогой
С мечтой заветною о Саровских местах.
Со звонкой песнею на радостных устах.

В этом стихотворении В/ячеслав/ И/ванович/ говорит о расставании с Георгием Ивановичем в 1924 году, когда так много говорили и философствовали два старые друга, когда он, уезжая, был менее радостен, чем провожавший его «строгий подвижник».

После восторженных чувств по поводу его возвращения в Рим, в стихах В. Иванова стала слышаться грусть по родине и тоска одиночества. Георгий Иванович просил у него разрешения напечатать его стихи, которые мы здесь читали с восхищением. Но он ответил телеграммой: «Печатать не

надо. Стихи сохранить для посмертного издания» («pour un livre posthume»).

* * *

Вячеслав Иванов в повседневных разговорах и при самых прозаических житейских обстоятельствах выражался философским языком.

На «Башне», где он жил, — его друзья называли жилище его «Олимп». Этажом ниже помещалась школа живописи художницы Елизаветы Николаевны Званцевой. Эту квартиру называли «Под-Олимп». Между прочим в этой школе преподавали Бакст, Бенуа и Добужинский и другие художники «Мира Искусства».

Однажды у Вячеслава/ И/ванова/ не оказалось дров для печки. Он сошел с Олимпа в Под-Олимп и попросил Званцеву дать ему дров. Званцева, боясь, что у нее не хватит дров на завтра, когда будет позировать обнаженная натурщица, сказала, что дров у нее нет. Тогда В. И., подозревая, что это не совсем так, спросил: «У вас нет дров конкретно или абстрактно?» (Это мне рассказала художница Е. Ив. Кармина, которая жила тогда вместе с Е. Н. Званцевой).

* * *

Однажды, когда я упомянула в разговоре с Вячеславом/ И/вановым/ об одной красивой даме, появлявшейся в обществе иногда в претенциозных костюмах, он спросил: «Эта та, у которой такой великолепный дурной вкус?»

Письмо В. И. Иванова из Италии:

«Дорогой друг Георгий Иванович!

Сердечное тебе спасибо за письмецо милое; светло ты меня им утешил. Как бы обнял я вас с Надеждой Григорьевной, горячо любимой. Обнял бы и Юрия Никандровича,²¹ друга затворившейся ныне и молчальничающей Музы моей; тревожная о нем забота и скорби меня не оставляют.

Тебе прежде всего скажу, что давно собирался написать тебе, как я тебе обязан, как глубоко благодарен: с тех пор собирался, как еще прошлым летом узнал от прибывшей в Рим Ольги Александровны,²² что твой, пусть преувеличенно, и даже сверх меры хвалебный (здесь цель, думается, оправдывает средство!), отзыв о моей (хромой на обе ноги) «деятельности» существенно решил дело в ЦЕКУБУ в мою пользу; а ведь в итоге этого доброго твоего дела (хотя ты и покривил ради него душою) меня с детьми до сих пор кормят в нашем добровольном изгнании. Этого оказательства истинной дружбы твоей и дети мои никогда не забудут. Часто думаю я о вас, и живо встает в душе ваш домик и особенный духовный воздух в смиренной тесноте его, — эта мистическая (почти как в римских катакомбах) заветная затаенность в нем, — снится порой и святая могилка в нашем Новодевичьем монастыре...²³

Но хорошо то, что бодро работаешь, и счастлив ты, что «мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы легкие навстречу им бегут». Хотелось бы немного твоих стихов и Юрия. Можно? И 38 новых стихотворений Тютчева тоже меня волнуют.* Что кое-что мое в рифмах, к тебе занесенное ветром, ты читаешь другим, — беды в том, конечно, нет; а с «Красной Новью» напрасно меня сватал. Я ответил отказом, который, может быть, криво истолкован. Между тем слова «берегу стихи для посмертного издания» («*préserve mes poésies pour un livre posthume*») — сушая правда. Теперь мне нужен затвор.

Не забывай меня за листом бумаги: напиши еще — мне радость. Любящий тебя Вячеслав.

30 марта 1928».

---

* Изданные Г. И. Чулковым. — Н. Ч.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зиновьева-Аннибал Л. Д., «Тридцать три урода». СПб, «Оры», 1907; Зиновьева-Аннибал Л. Д., «Кольца», СПб, «Скорпион», 1904.
2. См.: Иванов Вяч., Младенчество: Поэма. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. — Л., 1978, с. 345-377.
3. Ср.: Оценки эпохи первой русской революции в воспоминаниях Е. Ю. Кузминой-Караваевой (Блок в воспоминаниях современников. М.-Л., 1980, т. 2, с. 58-76).
4. Θάσος (греч.) — сонм, сборище.
5. Имеется в виду книга Г. Чулкова «О мистическом анархизме», СПб, «Факелы», 1906. С вступительной статьей В. Иванова «Идея неприятия мира».
6. См.: Иванов Вяч. Дневник. — Собр. соч. — Брюссель, 1978, т. 3, с. 744-754.
7. На похоронах Л. Д. Зиновьевой-Аннибал присутствовал весь литературный Петербург; вот как об этом писал В. В. Розанов: «...Вчера был на похоронах Лидии Дм. Ивановой, жены Вяч. Ив. Иванова. / . . / Поразительная смерть ее. И поразителен был день похорон. Пели монахи. А ведь она всю жизнь служила эросу, у них в квартире началась религия эроса. / . . / Конечно все это было почти сплошь русская шутливость, молодое дурачество: но все-таки. О смерти, гробе и /2 сл. нрзб./ черных монахах они всю жизнь не вспоминали и не думали. И вдруг у этих /1 сл. нрзб./ scarlatina, гроб! И умерла, бедняжка, от scarlatina, детской болезни, сущее дитя, какая и была в жизни. Она была удивительно беззловна. Ни одного ни о ком дурного слова! А ее часто поносили «умники». Ее милой, полувеселой, беззаботной улыбки, без перехода в смех, невозможно забыть. Была истинно добрый и прекрасный человек. А что она служила «эросу», то кому от этого хуже? / . . / Вяч. Иванов очень растерян. Не могу представить, что он станет делать без нее». (М. И. Ивановой, 28 окт. 1907 г., фонд музея А. Блока /бывшая коллекция Н. П. Ильина/).
8. Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. — Л., «Сов. писатель», 1978, с. 163.
9. Там же, с. 210.
10. Там же, с. 179.
11. В. Пяст. Встречи. М., «Федерация», 1929.

12. Е. П. Семенов.
13. А. Блок. «Письмо в редакцию». «Весы», 1907, № 8, с. 81.
14. Л. Философов. Дела домашние. «Товарищ», 1907, № 379, 23 сент.
15. Стихотворение было написано 15 авг. 1919 г. и называлось «Поэту».
16. Стихотворение написано 3 дек. 1919 г. См.: Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л., «Сов. Писатель», 1978, с. 285.
17. Н. Г. Чулкова не описывает встреч с Ивановым в Риме — об этом пишет Г. Чулков в «Годах странствий» (с. 242–243); первая и вторая глава о Вяч. Иванове не следуют в тексте «Воспоминаний» одна за другой (глава «Вяч. Иванов 1905–1909 гг.» — третья по счету, глава «Вяч. Иванов 1913–1928 гг.» — четырнадцатая по счету), поэтому в тексте появляется хронологический разрыв. Осенью 1913 г. Вяч. Иванов возвращается в Москву из Рима.
18. См.: Альтман М. С. Из бесед с поэтом Вяч. Ивановым. Уч. зап. Тартуского университета, вып. 209, Тарту, 1968.
19. См.: Иванов Вяч. «Эллинская религия страдающего бога». «Новый путь», 1904, № 1–4, а также «Религия Диониса». «Вопросы жизни», 1965, № 6–7.
20. Далее Н. Г. Чулкова цитирует девять «Римских сонетов» Вяч. Иванова. — См.: Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы, с. 296–301, а также стихотворение «Поэзия» (с. 279), «Умер Блок» (с. 291), «Земля» (с. 204), «Каменный дуб» (с. 302) и стихотворения, не вошедшие в этот сборник, которые мы включили в текст публикации.
21. Ю. Н. Верховский (1878–1956) — поэт, литературовед, близкий друг Вяч. Иванова, Г. Чулкова и А. Блока.
22. О. А. Шор-Дешарт (1894–1978) — критик, литературовед, ближайший друг, ученица и постоянный сотрудник Вяч. Иванова, редактор *Собрания сочинений* Вяч. Иванова (Брюссель, т. 1–3, 1971–1979). В 1927 г. О. А. Дешарт приехала из Москвы в Рим.
23. На Новодевичьем кладбище в Москве был похоронен четырехлетний сын Чулковых Володя.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции: К прославлению патриарха Тихона. — К обретению останков царской семьи — Н. Струве</i>	3
---	---

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

О молитве — <i>Из рукописи, состав. С. Фуделем</i>	5
Молитва нескончаемое творчество — <i>Архим. Софроний</i>	38
Отец Иустин Попович о молитве — <i>Василий Костерин</i>	59
Литургическая молитва и личное благочестие — <i>Н. Струве</i>	71
Расизм и христианство — <i>Прот. Сергей Булгаков</i>	82

■ Христианство на Западе

Угроза шквала — <i>Жан-Пьер Линтанф</i>	106
--	-----

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи — <i>Ю. Кублановский</i>	113
«Ты память смолкнувшего слова» — <i>Н. Г. Чулкова</i>	125
Письма В. Розанова к Н. Глубоковскому.....	152

СУДЬБЫ РОССИИ

Воспоминания 1918–1922 гг. —
Прот. Михаил Чельцов 165

О новомученике священнике Николае Троицком —
Николай Тронский (Москва) 190

Еще раз о «декларации» и о «солидарности солов-
 чан» — *Николай Балашов* (Москва) 193

Реплика — *Н. Струве* 203

Об обстоятельствах и месте захоронения
 императорской семьи 207

Задача для сталкера: «перестройка» —
Михаил Назаров (Мюнхен) 245

■ **Некрологи**

Памяти архиеп. Иоанна Сан-Францисского —
Ольга Раевская-Хьюз 285

Памяти В. А. Зандер —
Н. Струве 291

Памяти Арсения Тарковского —
Ю. Кублановский 293

■ **Письмо в Редакцию** 297